

ПО ОСЕННИМЪ ВЫСТАВКАМЪ.

(„Миръ Искусства“, „А. Гаушъ“).

А. Л—НЪ.

«Выставка этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ», открытая 22 октября обществомъ «Миръ Искусства», на этотъ разъ не возбудитъ страстей и не обостритъ споровъ. Участники ея ни на что не притязаютъ и ничего не оспариваютъ. Кругъ ихъ замѣтно порѣдѣлъ; сплошная фаланга давняго художественнаго содружества опустошена и раскидана событіями. вмѣсто прошлогодняго сонма холстовъ и картоновъ, сплошь покрывавшихъ стѣны и ширмы, разрѣженный орнаментъ широко развѣшанныхъ этюдовъ.

Неяркая и неновая выставка. Бѣдная предвѣстіями и обѣщаніями. Но въ этой неживленной тишинѣ сокрытъ смыслъ. Въ эти дни искусство утратило силу творить новизну. Его стойкое сопротивленіе, его рѣшимость утвердить себя вопреки всему надломлены. Его задача отнынѣ: не раствориться вовсе среди напора безмѣрныхъ стихій жизни, не оборвать традиціонной связи съ прошлымъ, уберечь свою готовность къ грядущему возрожденію. Такъ оправдана эта полудремота нашихъ художествъ: — медвѣдя, сосущаго лапу, пока не отбушуютъ зимнія метели.

Едва ли собранные на выставкѣ двѣсти слишкомъ предметовъ могутъ дать поводъ для знаменательныхъ обобщеній. Нѣкоторые изъ прошлогоднихъ экспонентовъ воздержались вовсе (среди нихъ А. Н. Бенуа), другіе въ лучшемъ случаѣ подали слабые признаки жизни.

Изъ числа старѣйшихъ членовъ общества, какъ всегда, усердно потрудились О. Э. Бразъ, — на этотъ разъ на облюбованныя имъ финляндскія темы. Пусть онъ тщательно усвоилъ

многія свойства новыхъ живописныхъ теченій запада, печать какой-то робости и устарѣлости остается не смытой. Современная фактура не подсказана непреодолимымъ внутреннимъ побужденіемъ, а лишь трудолюбиво прилажена.

Б. М. Кустодіевъ, хоть и собралъ 19 номеровъ, ничего внушительнаго не далъ; налицо лишь наброски и «поскребки» уже показаннаго ранѣе; преобладаютъ первоначальные эскизы для театральныхъ постановокъ, уже видѣнныхъ нами какъ на сценѣ, такъ и въ болѣе завершенныхъ редакціяхъ; такія же вещи, какъ вялый и правильный «этюды рукъ», какъ на зло, заставляютъ поминать нервную и живую лѣпку старыхъ мастеровъ.

Рядъ присланныхъ М. В. Добужинскимъ пастелей, окварелей, этюдовъ масломъ, альбомныхъ рисунковъ — съ ихъ спокойной и осторожной умѣлостью, «бакинскіе» виды, выставленные А. П. Остроумовой — все это не можетъ видоизмѣнить сколько-либо существеннымъ образомъ привычное объ этихъ художникахъ представленіе.

Вообще кавказская окраина и хребты Арменіи—свидѣтели борьбы и побѣдъ—стали излюбленнымъ источникомъ мотивовъ для нашихъ пейзажистовъ. Вслѣдъ за открывшимъ эту богатую жилу Е. Е. Лансере ее разрабатываютъ К. В. Дыдышко, чья дымчатая гамма окутываетъ маячащія въ утреннемъ туманѣ высоты, и А. М. Зельманова, чьи вещи, съ ихъ массивными планами и синтетическимъ колоритомъ, бѣдны, однако, настоящими строительными и выразительными свойствами.

Остальной матеріалъ выставки также не принесъ не-

«МИРЪ ИСКУССТВА» (осень 1916 г., Петроградъ).

Б. Григорьевъ.

Сним. А. П. Павловича.

«Коллекционерша».

Б. Кустодіевъ.

Сним. А. Н. Павловича.

«Хороволь».

ожиданностей. Какъ всегда, элегантны и сдержаны натюрморты Карева съ ихъ очень изысканной простотой красокъ и обычной игрой геометрическими гранями и углами предметовъ (въ ихъ числѣ—неизбѣжной реквизитъ композицій Карева—бала-лайка); покорно созерцаешь и эротико-демоническую «мио-логию» Н. Калмакова, и футуристическій узоръ мѣшечковъ г-жи Богуславской, и фіолетовыхъ атлетовъ И. И. Нивинскаго съ ихъ выпренне преувеличенной пластикой,—и еще множество вещей, «не холодныхъ и не горячихъ», на которыхъ словно отпечаталась унылая эмблема: такъ было, такъ будетъ.

Всего лишь двое изъ участниковъ выставки оставили впечатлѣніе напряженного и мужественнаго усилія.

Одинъ изъ нихъ К. С. Петровъ-Водкинъ, упорный до педантизма искатель личнаго монументальнаго стиля, охотникъ до постановки и разрѣшенія замысловатыхъ стилистическихъ проблемъ. Такъ въ «Зеркалѣ» его плѣнили перспективный парадоксъ и красочныя измѣненія отраженныхъ предметовъ, въ «Намняхъ»—система минеральныхъ граней со сложнымъ преломленіемъ лучей. Съ четкой и твердой фактурой этихъ вещей ничѣмъ не связанъ пейзажъ, раздражательный и вялый «Сезанновскій» по построению и гаммѣ, зеленой, оранжевой и фіолетовой. Рядомъ: большой рисунокъ женскаго тѣла (истинная «академія!») и новый портретъ изъ цикла «большихъ головъ», съ грандіозно преувеличенными пропорціями, тупой и величавой экспрессіей.

Другой изъ «жиеыхъ людей» выставки—Борисъ Григорьевъ. Но ужъ никакъ не наставительный и солидный, какъ Петровъ. Этотъ развѣдчикъ художественной вольницы въ лагерь уравнишенныхъ и корректныхъ дѣятелей скрываетъ подъ замашками прихотливаго «гареи», а внушительное мастерство, а подъ внѣшней хаотичностью усилій—большую творческую энергію. Разобраться въ этомъ видимомъ беспорядкѣ, уловить ритмъ этого карнавала разнообразныхъ масокъ—эту задачу я оставлю за собой. Сегодня отмѣчу лишь голословно: чудесный этюдъ для женскаго портрета, пышный и свѣжій, хотъ и представляющій всего озадачивающій въ композиціонномъ отношеніи «отрѣзокъ» картины, а также объ версіи (масло и карандашъ) «Коллекціонерши». Здѣсь налицо вдохновеніе попрежнему изобильное; ни утомленія, ни повтореній. Нельзя заключить обхода выставки, не упомянувъ о вкладѣ нашихъ иллюстраторовъ. Виртуозныя «библи» Чехонина примыкаютъ къ болѣе крупнымъ заданиямъ: де-

коративнымъ эскизамъ въ духѣ Возрожденія для росписи дворца, въ которыхъ миниатюристъ становится зодчимъ. Е. Нарбутъ далъ, наряду съ книжными украшеніями, также и слишкомъ реально детализованный групповой силуэтъ; Д. И. Митрохинъ—два листа: цвѣты и виньетку на восточную тему—отраженія благороднаго, очень личнаго въ оттѣнкахъ и живого орнаментальнаго вкуса. Къ этой же группѣ можно отнести по четкой выдѣлкѣ деталей и чистографической красотѣ также эскизы предсѣдателя общества, И. Я. Билибина, для росписи Казанскаго вокзала въ Москвѣ.

Таковы первыя впечатлѣнія отъ скудной въ общемъ и еще не полной въ день открытія выставки. Но она представляетъ вѣдь не болѣе, какъ прологъ и «разбѣгъ» къ ежегодному рѣшительному выступленію «Мира Искусства»—весенней выставкѣ картинъ.

Выставка А. Гауша.

«Кустарникъ».

Фот. г. Шнейберга

Что за заманчивая на первый взгляд выставка Гауша! Чудесная анфилада залъ, съ блестящей дорожкой свѣта на лощенныхъ полахъ, съ неяркимъ сіяніемъ сѣвернаго дня, проникающаго сквозь рѣдкую преграду колоннады... На коричневатосѣрыхъ стѣнахъ въ сложной симметріи, словно части деликатной росписи, смутно зеленѣютъ картины. На тумбахъ нѣжные живые цвѣты въ плоскихъ вазахъ. Одна изъ выставочныхъ комнатъ съ драпировками травяного цвѣта, блѣдно-зеленымъ ковромъ, мебелью жакобъ, обитой зеленымъ штофомъ, обращена въ гармонично-замкнутый intérieur. На всемъ та печать свѣтлой какой-то свѣжести, которая лежала на эфемерныхъ, но очень памятныхъ выставкахъ «Голубой Розы».

Но вотъ эта дымка, этотъ аромат, клубящийся здѣсь, такъ и не уплотняются до конца въ четкій образъ. Работы А. Гауша уже появлялись въ разное время на выставкахъ «Мира Искусства». Онѣ не нарушали характера и внѣшняго уровня этого общества; но почти никогда онѣ не отдѣлялись отъ общаго фона. Сегодня передъ нами предстала вся исторія его художественныхъ усилій за цѣлыхъ 17 лѣтъ; извлечено все, что еще оставалось подъ спудомъ; въ обширномъ бюро Н. Е. Добычиной распределены свыше двухсотъ произведеній А. Гауша. И что-же? Впечатлѣніе расплылось и расплылось больше прежняго.

Выставка А. Гауша — словно полный курсъ исторіи новейшей живописи, но въ сбивчивомъ и робкомъ изложеніи ученика, передающаго урокъ «своими словами». Достойны уваженія — если не похвалы — «напрасныя усилія любви» художника просвѣщеннаго, чуткаго къ новизнѣ, но лишеннаго личной творческой воли и послушнаго этой волѣ мастерства. Его неутомимыя попытки — лишь отраженія въ тускломъ зеркалѣ.

А. Гаушъ начинаетъ свой путь не съ юношескаго бунта, а съ ранней покорности. Конкурсныя работы, давшія ему званіе художника, — пейзажи въ духѣ передвижнической Академіи, тщательно «разобранныя» во вкусѣ Дубовскаго. Иныя вещи того времени («Усадьба въ Финляндіи») напоминаютъ олеографіи по мертвенной очерченности притупленныхъ красочныхъ плоскостей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другихъ холстахъ перваго періода проступаетъ поэзія осенняго увяданія, тре-

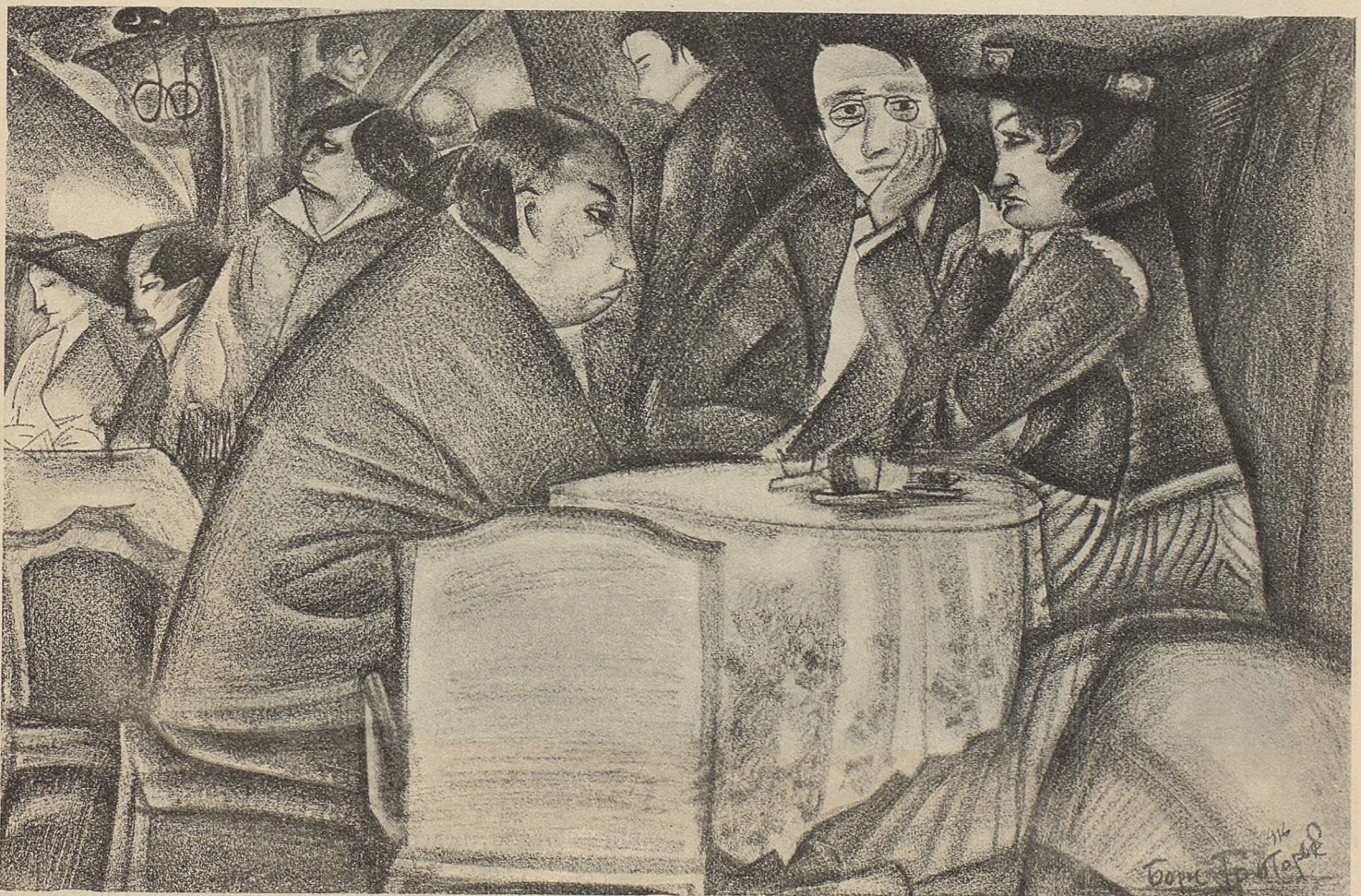
Юнь.

петная неясность контура; словомъ, черты—не лишенныя уровня—явнаго эпигона Левитана.

Слѣдующая полоса творчества, имѣющая началомъ 1907 годъ и въ общемъ дѣлящаяся до нынѣ, говоритъ о новыхъ воздѣйствіяхъ. Для художника открывается міръ обновленной французской живописи; онъ беретъ за празднично-свѣтлую палитру неомпрессионистовъ, изгнавшихъ черный цвѣтъ и средства свѣтотѣни; онъ пишетъ мазками-точками; поверхность картинъ становится подобной мозаикѣ. Въ его «Березѣ» плотность зеленѣющаго берега и текучая поверхность пруда сливаются въ единомъ мельканіи голубыхъ, розовыхъ, желтыхъ мазковъ. Отъ масляныхъ красокъ онъ всего чаще переходитъ къ пестрой пыли, къ «зернистой» фактурѣ пастели. «Красныя горы», обступившія бирюзовый заливъ, словно намекаютъ на пѣвучіе контрасты экзотическихъ пейзажей Гогена.

Однако, постепенно беретъ верхъ новая тенденція: къ обобщенно декоративному стилю пейзажа, къ выдержанному единству гаммы. Манера Гауша чрезвычайно приближается

«МІРЪ ИСКУССТВА» (осень 1916 г., Петроградъ).

Б. Григорьевъ.

Сним. А. П. Павловича.

«Въ кафе».

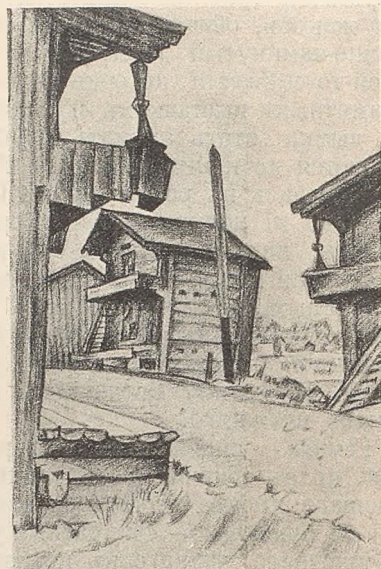
Е. Кругликова.

А. Н. и Е. К. Бенау.

къ новѣйшимъ приемамъ московскаго мастера—Крымова, попытавшагося на нашихъ глазахъ обновить или, вѣрнѣе, возродить классическое пониманіе пейзажа. Поляны съ массивными купами деревьевъ и стройными силуэтами одинокихъ тополей на фонѣ матовыхъ луговъ, идиллическія видѣнія, гдѣ перспектива возникаетъ изъ послѣдовательныхъ ступеней единой зеленой гаммы, напоминаютъ о Крымовѣ. Вещи эти—своеобразная середина между героическимъ ландшафтомъ Пуссэна и... дамскими акварелями на шелковыхъ ширмахъ.

Въ «английскихъ» пейзажахъ, гдѣ русскій художникъ вступаетъ въ кругъ мотивовъ, обезсмерченныхъ констеблемъ и его «скетчами», обнаруживаются опять таки нѣкоторыя новыя черты: большая пластическая сила массы, энергичная окраска деревьевъ. Нарядные парки съ изумруднымъ газономъ окрашены и освѣщены съ силой. Вообще художникъ, видимо, утомился дряблой и расплывчатой манерой, утомительнымъ мельканіемъ мелкихъ мазковъ, которая обращаетъ его декоративный триптихъ, для котораго подобранъ весь описан-

ную ноту, рѣзко очерчивая кричащіе контрасты отдѣльныхъ красочныхъ частей. Напрасно: если въ этомъ, столь обширномъ и столь безличномъ, твореніи что-либо принадлежитъ лично А. Гаушу, это та нѣсколько вялая блѣдность зеленыхъ далей,

В. Добужинскій.

«Сарай».

въ которой затаена доля неяркой поэзіи и намекъ на своеобразіе.

Культурный и скромный участникъ выставокъ «Міра Искусства», занимающій въ панорамѣ нашего новаго художества лишь небольшой уголокъ на нѣсколько отдаленномъ планѣ, мало выигралъ отъ устройства самостоятельной выставки въ столь большомъ масштабѣ. Интимность его настрое-

Б. М. Кустодіевъ.

Рисунокъ для картины «Купчиха».

Снимки А. Н. Павловича.

ный выше intèrieur, въ безпокойное и невыразительное пятно. Въ циклѣ натюрмортовъ имѣется черная ваза на желтомъ фонѣ, гдѣ сказывается исканіе строгаго арабеска и орнаментальной цѣльности. Наконецъ, въ наиновѣйшихъ вещахъ А. Гаушъ уже форсируетъ эту обрѣтенную имъ болѣе мужествен-

ный растаяла, недостаточность его вклада, напротивъ, выпятилась наружу. По художественному сознанію нашихъ дней выставка эта едва замѣтно и безслѣдно скользнетъ, какъ тѣнь отъ дыма.

А. Л—нь.